

18+

Вадим Дробинин

БЛОГ БЕЗ ИМЕНИ И АДРЕСА

Сборник эссе

Вадим Дробинин

Блог без имени

и адреса. Сборник эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22142669

ISBN 9785448348501

Аннотация

На страницах этой книги собраны небольшие эссе и жизненные зарисовки о вещах мелких и не очень, на которые герой привык обращать внимание за время своих путешествий. Блог без имени и адреса – летопись наших с вами дней, рукопись почти без автора, но всё-таки со смыслом. Три года жизни, растянувшиеся на двести тысяч знаков: эдакие мемуары, написанные человеком, который не разменял ещё и четверти века, но уже может чему-то научить. Или, может быть, вы научитесь всему сами?

Содержание

Предисловие	5
2013	6
Дорога	6
Мгновение	22
Город	25
Душа	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Блог без имени и адреса

Сборник эссе

Вадим Дробинин

*Первой букве моего алфавита, превратившей
некстати поставленную точку в очень
своевременную запятую, посвящается*

© Вадим Дробинин, 2016

ISBN 978-5-4483-4850-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Человека, решившего заняться собственными мемуарами только-только отметив восемнадцатилетие, современники сочтут или безумцем, или самовлюбленным эгоистом.

Человека, который предпочел бумажную книгу блогу в век современных технологий и стремительно развивающегося общества, заклеят консерватором и обстоятельно объяснят, почему через год о нем никто и не вспомнит.

Человека, что пишет аллюзиями и цитатами других авторов, переваривает их мысли и опыт, и склеивает со своими чувствами, словно гусеница-шелкопряд, назовут плагиатором.

К счастью, люди, которые падки на подобные стереотипы, пройдут мимо тонкой книжки с серой обложкой, не вчитаются в аннотацию и не заинтересуются оглавлением, поэтому эти строчки для вас: вдумчивых читателей, способных узнавать сложные отсылки и не судить с полуслова.

Единственная связь между историями – моя жизнь, так что смело начинайте с любой страницы и заканчивайте когда захотите. Главное, помните, что эта история только пишется, и дочитав, приходите следить за ней в реальном времени¹.

¹ <http://drobinin.com/realtime>

2013

Дорога

Уже не школьники, но еще и не безработные шумно толпятся на крыльце альма-матер. Жаркий июньский воздух можно резать ножом и подавать на белых, как воротники рубашек, блюдах. Родители и учителя украдкой утирают слезы гордости, а вчерашние ученики обсуждают вузы и обещают собираться почаще. Бодрый фотограф прыгает вокруг виновников торжества, заразительно улыбается и пытается уместить в одном кадре все прожитые в этих стенах годы, размахивая фотоаппаратом, который, судя по всему, в прошлой жизни был пулеметом.

Надсадно работают кондиционеры, гул которых смешивается с шепотом людей, плотно набившихся в актовый зал. Где-то там, в прошлом, между сто семьдесят второй и сто восьмидесятой страницей мемуаров отгремел последний звонок, но осознание полной и безграничной свободы пришло в головы выпускников только при виде аттестатов, сулящих безбедное будущее и хорошую карьеру. Некоторые судорожно повторяют слова благодарности или играют в angry birds, а остальные задумчиво отсчитывают минуты до фуршета.

Дорога от лица до заведения, названного именем древнегреческого бога ветра, пестрит предвкушающими ужином людьми. На столах фрукты, за столами будущие доктора наук, директора компаний, космонавты и уборщики, а под столами, к счастью, никого, потому что смышленные официанты вовремя убрали бутылки с полусладким. На импровизированной сцене вышагивает эфеб, бакенбарды которого напоминают Росомаху, забывшего про цирюльника, за его спиной парень с татуировкой триратны поет что-то давно набившее оскомину, а у стен молчаливыми тенями стоят мажордомы, мимо которых прошло больше выпусков, чем застали старейшие из преподавателей. Вот уже две тысячи лет скоучающие по Луперкалии люди стараются возродить хотя бы кусочек славных греческих традиций, с приоткрытыми ртами наблюдая за родственником Акопяна. Человек, бульбультор которого помимо *cannabis sativa* умеет выдувать мыльные пузыри, старается отвлечь подростков от грибного жульена, но проигрывает в неравной схватке.

У входа в кафе одиноко стоит тележка, храбро вызволенная из застенок супермаркета и со всеми почестями доставленная на праздник. На предрассветном небе зажигаются и гаснут звезды, пустынные улицы хранят насмешливое молчание, которое изредка нарушают случайные водители, испуганно объезжающие вчерашних школьников. Где-то впереди призывно мерцает огоньками город.

В новую жизнь нас везет потрепанный трамвай №8. Кто-то играет в «камень-ножницы-бумагу», особенно стойкие пытаются доесть запасы недавнего пиршества, заботливо разложенные по картонным коробкам из-под Paul Masson и выкидывают косточки от абрикосов в окна, но большинство все-таки недоуменно пытаются понять, для чего их возят по безлюдным дорогам на арендованной гордости советского автопрома. Они просто не догадываются, что так нас готовят ко взрослой жизни, здравый смысл в которой тоже найти не очень легко.

Два веселых американца сидят напротив меня в двухэтажной электричке и обсуждают планы на Амстердам: «Дунуть, вдуть, закупить алмазов, прокатиться на велосипеде и утунуть в канале». Несколькими сидениями дальше обещают положить им на могилы тюльпаны и помянуть абсентом, но я еду в первую очередь за твердым голландским сыром, слабосоленой селедкой и потрясающими блинчиками.

Дорога в хостел, рекламирующий себя как «самый плохой в истории города», лежит через Квартал красных фонарей. В воздухе витает «амстердамский запах» – смесь хот-догов и марихуаны, а вдоль стен организованными группами бродят толпы туристов. Девушки за стеклами зябко ежатся, когда кто-нибудь приоткрывает дверь, и недовольно перегля-

дываются, если не удалось договориться о цене. Внутри моего прибежища на ближайшие два дня шумно и весело. Подростки у входа играют в бир-понг, где-то в глубине слышно яростные споры о результатах какого-то футбольного матча, а снаружи более опытные товарищи учат делать самокрутки новичков из других стран.

Я иду по вечернему городу без карты, сворачивая в случайные переулки и заглядывая в окна: местные жители не мешают занавески, потому что уверены – им нечего скрывать. Чужие жизни проносятся перед глазами быстрее, чем в летнюю ночь проплывает по Неве очередной теплоход. Здесь, в отдалении от основных достопримечательностей, очень уютно. На берегах узких каналов встречаются тихо сидящие парочки, редкие фонари не мешают разглядеть звезды, а птицы в лучших традициях Бродского предвещают захватывающие события.

Бармен в кофешопе эмоционально рассказывает мне о сортах своей продукции, размахивая наполовину закончившимся джоинтом. Люди вокруг неспешно пьют чай, обсуждают прошедший день и планируют день наступающий – от обычной кофейни это место отличает только запрет на продажу алкоголя и сладковатый аромат, которым, кажется, пропитано абсолютно все. Несмотря на вечерние сумерки очень многие ходят в солнцезащитных очках, но благодаря заметкам Ивана я от них в этом не отличаюсь.

Утренняя электричка увозит меня в рыбацкую деревушку на берегу Северного моря. Рыбаки еще не вернулись с уловом, но в местной сыроварне меня приветливо встречают и ведут на дегустацию сыров, попутно показывая огромные бидоны со свежим молоком. Сыры в Голландии часто употребляют отдельно, между завтраком и обедом, обмакивая в яблочно-горчичные соусы и запивая ликером Southern Comfort. Купив несколько видов на более вдумчивую пробу я бреду к ларьку со знаменитой селедкой, которую стоит съедать не сходя с места. Ближе к обеду начинают появляться туристы, разбегающиеся по сувенирным лавкам, но я уже возвращаюсь обратно в столицу, на окраинах которой вчера обнаружил огромный рынок, и провожу там не один час, разглядывая потрепанные шинели и антикварные книги вперемешку с продуктовыми лавками.

На следующий день меня встречает сырная ярмарка на другом конце Голландии. Под открытым небом раскинулись лотки с сотнями различных сыров, на огороженной площадке устраивают соревнования по метанию сырных кругов и переносу их же на большие дистанции, а я брожу между прилавков уже порядком уставший от огромного количества новых вкусовых ощущений и в итоге пристраиваюсь на берегу небольшого пруда с тарелкой маленьких, не больше пельменя каждый, блинчиков, политых кленовым сиропом и щедро посыпанных сахарной пудрой. Амстердам же

остается в памяти как наиболее яркая часть Европы: вечно молодая и менее помпезная версия Санкт-Петербурга; город, из которого не хочется уезжать, даже если знаешь, что еще обязательно сюда вернешься.

Поезд бесшумно скользит между двумя столицами. Внутри обитые красным войлоком сидения, многообещающие надписи со словами «бесплатно» и «WiFi» на стенах, а в соседнем вагоне с куда более дорогими билетами солидные джентельмены, задумчиво сидящие с ноутбуками. Снаружи быстро проносятся деревушки и маковые поля, а впереди уже виднеется устрашающая громада Северного вокзала.

У первого человека, встреченного мною во Франции, темная кожа, — это весьма символично. Я недоуменно озираюсь, пытаюсь разобраться в лабиринтах парижского метро, но быстро бросаю эту затею и просто спрашиваю дорогу у очередного афроамериканца. В хостеле меня ждет четырехместный номер в мансарде, два соседа-японца и душ, у которого нельзя регулировать температуру воды, но это компенсируется возможностью за пятнадцать минут пешком дойти до Эйфелевой башни, что я сразу и делаю.

На Марсовом полелюдно, под неодобрительные взгляды полицейских арабы продают воду в бутылках и брелоки в форме Башни, а туристы пытаются превзойти друг друга

в оригинальности будущих аватарок. Перейдя Сену я сворачиваю к Саду Тюильри, но павильон со знаменитыми кувшинками уже закрыт, так что приходится довольствоваться пирамидками Лувра и Нотр-Дамом.

Внутри собора Парижской богородицы настолько прохладно, что начинаешь понимать католиков, с удовольствием появляющихся на мессах. Я смело сажусь в самом центре зала, ловлю взглядом алтарь и замираю, чтобы не нарушить единение французов со своим богом. Впрочем, это все равно напрасно – в десяти метрах от нас ревет поток людей, пришедших в одну из главных достопримечательностей страны. Мелькают запрещенные вспышки фотоаппаратов – сотрудники уже выучили фразу «Выключите вспышку» на русском, но это не особо помогает. В восемь часов раздаются звуки главного органа – это значит, что ближайший академический час здесь будет бесплатный концерт камерной музыки. Акустика потрясает – даже жаль, что играют не Pink Floyd.

Склоны Монмартра встречают меня площадью Пигаль, весьма посредственно пытающейся изобразить амстердамский Квартал, поэтому я отдаю предпочтение мрачному величию местного кладбища, ставшего последним пристанищем для разных именитых личностей: здесь много кошек и мало людей. Чуть выше можно увидеть базилику Святого Сердца, сразу после осмотра которой я спускаюсь на фуникулере обратно в город, ведомый голодом.

Как правило, французы не сентиментальны, когда дело касается еды, но при этом они любят, чтобы их пища выглядела счастливой и ценила оказанную ей честь. Я оказываюсь порядком разочарован, когда узнаю, что улитки – это бургундская фишка, а не парижская. Парижская фишка – это подсохший эклер за 2.60, но мне удастся найти аутентичную брассери с отличными круассанами и горячим шоколадом. Где-то рядом до сих пор работает Laduree – первое заведение в городе, куда женщины смогли приходить без сопровождения мужчин и покупать макаруны.

Несмотря на множество красивых мостов и толпы людей, из дневного Парижа хочется сбежать. Я сажусь на электричку до Шартра, вспоминая однажды услышанное «Шартр – это Собор, а Собор – это Шартр». Так и есть: собор Шартрской богородицы возвышается над небольшим провинциальным городком двумя несимметричными башнями, опираясь на древнейший во Франции лабиринт и оправдывая звание «стеклянной библии» – несколько сотен витражей иллюстрируют сцены обоих Заветов, но ни один из рисунков не повторяется. На асфальте вижу символическое изображение ракушки – это кусочек пути Сантьяго, который до сих пор проходят пилигримы. Местные жители гуляют по просторным улочкам, дети купаются в большом фонтане, а в лавочке на углу продают разлитый по бутылкам лимонад домашнего приготовления. Такая атмосфера нравится мне ку-

да больше.

Впрочем, в темноте Париж приятнее, чем при свете дня. Светящиеся опоры творения Эйфеля кажутся более неведомыми, а ежечасная подсветка встречается бурными аплодисментами. Вчера моим ужином были мидии в соусе и сырах, а сегодня я сижу на газоне Марсова поля и ем сэндвич, запивая его соком, но сложно сказать, что оказывается вкуснее. В какой-то момент рядом робко присаживаются местные ребята и спрашивают у меня что-то на своем языке, но увидев недоумение в моих глазах начинают совещаться и выдают: «Марихуана?» Вот в этом и заключается суть столицы Франции: города, в котором смешались люди всех национальностей, объединенные собственной непохожестью. За прошедшие годы бывшее величие немного поистерлось, выходцы из бывших французских колоний постепенно раскрашивают Париж в желтые и черные цвета, а сами парижане напоминают избалованных итальянцев. Но все равно здесь очень здорово. Вечерами.

Сегодня туристов встречает не мистическая Прага, а сельская Пардубице, но большинство этого еще толком не осознает, радостно хлопая экипажу самолета. В аэропорту расставлены плакаты, рассказывающие, как чехи рады гостям

и почему не стоит их огорчать, провозя через границу запрещенные товары (наркотики, автоматы и пену для бритья), а по выходе прилетевших ждут автобусы, в которых на протяжении нескольких часов будут рекламировать экскурсии с «бесплатным алкоголем и морем впечатлений».

Мой отель возвышается над десятым округом Праги словно Голиаф, попавший в гости к хоббитах. Девушки на ресепшене не понимают английский и довольно успешно делают вид, что ни разу не слышали русский. Соотечественников не так уж и много – много немцев и итальянцев, чьи контрастно звучащие языки создают поистине вавилонскую атмосферу. Впрочем, если сесть на трамвай и добраться до метро, то все изменится – в историческом центре города рестораны предлагают меню на всех возможных языках, наивно пытаюсь заманить туристов родной речью.

Я иду в отдалении от пешеходных маршрутов, активно продаваемых туристическими фирмами. Над Влтавой зажигаются огоньки, бродячие художники неспешно собирают свои инструменты, обсуждая выручку, а на холме ярко мерцает собор, строительство которого чехи будут помнить и через столетия. Цокот копыт по брусчатке заставляет снять наушники, а когда где-то впереди из переулка резко выныривает скелет с косой, за которым шумно пробираются китайцы, становится понятно, что в этом году особенно популярны костюмированные экскурсии.

У входа в церковь Святого Иакова на крюке висит кисть, которую по преданию отрубила Дева Мария у вора, а у входа в таверну можно увидеть пустые доспехи, наверняка созданные по образу и подобию тамплиера, в честь которого названо заведение. Внутри шумно и накурено, пожилые чехи сдувают с кружек пену и недовольно спорят с официантами, а я робко сажусь с краю длинного стола, давая телефону присосаться к розетке и заказываю то, ради чего приехал сюда из немытой России: řešené verřové koleno. Официант недоверчиво разглядывает меня, словно решая – объяснить в чем я неправ или просто выставить на улицу, но после нескольких секунд незримой борьбы взмахивает рукой и принимает заказ. На простой деревянной доске покоятся разрезанные вдоль соленые огурцы, плашки с острым перцем, горчицей и пряным сыром, а поверх всего этого возвышается двухкилограммовый кусок мяса. Глаза официанта горят насмешкой, она же проскальзывает и в небрежно брошенных чехами по соседству фразах, но через полтора часа от меня уносят пустой поднос и я под одобрительным взглядом старожилов выхожу на ночную улицу, вдыхая свежий воздух избалованных отсутствием машин улиц.

В супермаркете у отеля продается смесь фруктового сиропа, кофеина и сахара – кофола, которую придумали здесь в середине прошлого века. Она нравится мне куда больше разливного пива, что активно рекомендовал официант к сырому фаршу со специями и сырым же желтком. Блюдо, ко-

торое весь мир называет тартаром, чехи прозвали татарским бифштексом, но на его замечательный вкус это никак не влияет. Я забрасываю попытки понять местный алкоголь и перехожу на свежавыжатые соки, которые здесь разливают в бутылки и предупреждают, что «сока всего 97%, а оставшиеся 3% – мякоть».

Если спуститься под Карлов мост и неспешно пройти по набережной, то можно увидеть развесистые ветви дуба, под которым отдыхают лебеди, отважно подплывающие к прохожим и выпрашивающие у них еду. Отсюда, с северной части Праги, город кажется пустым от туристов и от этого еще более красивым. Впрочем, пиво и кнедлики, равно как и огромные чешские хот-доги с «клобасами» от этого полезнее не становятся.

«Температура за бортом 25° С, московское время 14 часов 30 минут». Командир корабля и экипаж прощаются со мной, а я ступаю на растрескавшийся асфальт аэропорта Домодедово и немного запоздало прощаюсь с улыбчивой Европой, за полторы недели прибавившей мне седых волос и ярких впечатлений.

На перроне уже можно увидеть аэроэкспресс, в который утрамбовывается людская толпа, жаждущая занять побольше свободных мест. Я неторопливо иду к последним ва-

гонам, наслаждаюсь несколько не привязанным к Старбаксу интернетом и извиняюсь за отдавленные ноги, привычно разбавляя свою речь «excuse me» и «spijt ons».

На небе собираются тучи, которых я не видел уже неделю – с тех пор, как уехал из Амстердама, но боги не решаются на дождь, видя, как я спешу в офис одного интернет-магазина за новой игрушкой – первым в моей жизни макбуком. Вертя сотовым телефоном как компасом мне приходится следовать инструкциям с их сайта, проходя сквозь арки и сворачивая в переулках направо в поисках «кафе Ламборгини и бутика Картье», а потом искать коричневую дверь под козырьком и спорить с охранником, доказывая, что мне на самом деле надо в офис №6.

С формальностями покончено, но серьезно гонять технику по тестам нет времени – через пятнадцать минут мне нужно стоять у памятника Грибоедову. Дорога до метро, как назло, не вспоминается, переход с Кузнецкого моста на Лубянку «временно ограничен», но в спрогнозированные приложениям Яндексa пять минут я укладываюсь и теперь могу всем рассказывать, что на круглом постаменте изображены герои «Горя от ума».

Оставшиеся до поезда пять часов я провожу в замечательной компании, успев попробовать фламбированное в апельсиновом ликере мороженое, полепить из пластилина, поделиться свежими впечатлениями и дойти до Арбата, шумный водоворот людей на котором немного напоминает пражские

улицы. Может быть благодаря этому я в который раз уезжаю из столицы с умиротворенной улыбкой, пусть и догадываясь, что через несколько дней меня накроет продолжительная тоска и по голландской селедке, и по чешским замкам, и даже по французской провинции.

Мы стоим в толпе людей на перроне ижевского вокзала. О прибытии составов извещает металлический голос с человеческим привкусом, из десятка путей используется лишь два, а суетливые бабушки продают пирожки с капустой не только голодным путешественникам, но и друг другу.

Изящно обшарпанные бока фирменного поезда до Москвы нежно втискиваются между закопченными тушами грузовых вагонов и водоворот сумок начинает кружиться вокруг нас — каждому хочется оккупировать свою полку как можно быстрее. Впрочем, мне спешить некуда: до рейса в новую жизнь еще сорок минут, и за это время можно было бы даже сыграть партию в го или написать Укконена.

Наблюдать за провожающими порой интереснее, чем уезжать. Одни находятся в том отвратительном настроении, которое всегда наступает, когда уже давным-давно простился, но продолжаешь стоять на перроне, потому что поезд еще не ушел. Другие же наоборот молят богов о возможности как можно дольше побыть здесь с уезжающими в командиров-

ки мужьями и сбегающими на море родственниками. Хотя, казалось бы, перрон как перрон, толчея, мусор и шум, оглушающий шум — гул голосов и лязг составов.

Внутри вагона как всегда душно. Спертый воздух привычно наполнен «ароматами» лапши быстрого приготовления, бортпроводница взглядом предлагает горячий чай, теплое пиво и крошащееся печенье, а соседи по плацкарту сразу же вызывают желание забраться на верхнюю полку, надеть наушники и пролежать с закрытыми глазами до самого прибытия.

Поезд плавно двигается, медленно едет вдоль перрона и, вырвавшись из-под тени вокзала, уносится вперед, оставляя за порядком исцарапанными и немного пыльными окнами Ижевск, который даже приобретает некую красоту — она приходит с осознанием того, что в обозримом будущем у меня вряд ли получится возвращаться сюда надолго.

Как часто вы идете на поводу у собственных желаний? Порой хочется позвонить, рискнуть, сделать что-нибудь глупое, подарить цветы (в любой день кроме 14 февраля — все, как завещал Бегбедер). Но не здесь и не сейчас.

Сейчас за окном грохочут электрички, везущие умирающих на бегу менеджеров в их тесные арендуемые за МКАДом квартирки. Здесь все и всегда спешат — даже те, кому,

в общем-то, некуда. Мотив дороги въедается в кожу, обволакивает со всех сторон, вплетается среди ровных строчек в ежедневнике и вычеркивает три-четыре часа из суток.

Отравленные цинизмом люди просыпаются и едут в тщеславный сиюминутный город, который медленно перемалывает их планы и мечты в пыль, тяжелыми гроздьями оседающую на лакированных туфлях. Я же с любопытством наблюдаю за мрачными лицами, наслаждаясь чистым от туч небом, и, видимо, вызываю ненависть просто из-за своего прекрасного настроения.

Над рассадником фастфуда, торговым центром и крытым рынком общипанным клевером возвышается мое пристанище на ближайшие годы. При желании можно подняться на крышу, смешать себе коктейль из веселья напополам с тоской и окинуть взглядом ночную панораму: вдалеке взмывают самолеты, где-то совсем рядом жизнь притягивает другую жизнь, а у самой линии горизонты светится марево бесцельных тусовок.

«Самая неприятная тишина там, где много людей молчат». Как иронично, что в нашем общежитии самая неприятная тишина в лифте.

Мгновение

Любой человек стремится к абсолютным знаниям и силе. Всемогущество и всеведение – вот те столпы, ради которых каждый готов пожертвовать жизнью, ресурсами и шоколадными маффинами из Старбакса. Именно на них чуть более чем полностью основана западная культура, именно ради этого затеваются войны, но... Что мне грозит, пока люди в метро читают Донцову, а не Достоевского?

Всякий раз, когда я выхожу с Тверского бульвара к кремлевским звездам, мне вспоминается Невский проспект. Если не смотреть вперед, то легко почувствовать себя на той «теневой» стороне, с которой можно свернуть за стейками в «Телеграф» на Рубинштейна, потом пойти дальше по многочисленным улочкам исторического центра и снова почувствовать себя живым. Но стоит приглядеться и Буквоед превращается в книжный магазин «Москва», а воздух вновь дрожит от резко проносящихся мимо машин, которые успевают в коротком реве мотора выразить всю свою ненависть к ограничивающим их амбиции правилам и опять застыть в пробке.

Темнота, до последнего висевшая на глазах тугой повязкой, неохотно отступает лишь перед поворотом на Арбат. В канун Самайна здесь ярче, чем обычно: видимо, собравшиеся со всей Москвы люди разжигают сладким маслом бы-

тия яркие огни электрических фонарей. Я люблю этот кельтский праздник за осенний аромат тыквенных пирогов, свечи, медленно растворяющиеся в глубине «светильников Джека», и (что самое главное) за глухой гул толпы, напоминающий шум лесных деревьев – не веселятся только ленивые и излишне религиозные.

Ты задумчиво рассуждаешь о кривоватой красоте каждой ноты Лу Рида и вспоминаешь романы Рушди, пока я заказываю кукурузные хлопья, чтобы не перепутать обычный ужин со свиданием. Пару недель спустя мы завтракаем в Жан-Жакс яйцами с голландским соусом, которые были названы в честь американского брокера, но дело, в общем-то, далеко не в этом. Вы, наверное, все-таки не понимаете, что же случается в те моменты, когда время и пространство перестают что-то значить, мир предстает в истинном свете, а в очарованном сознании настойчиво звучит эхо давно прошедших событий. В чем там скрывался дьявол, Сиксмит, в местоимениях?

Мне пятнадцать и я стою на футбольном поле детского лагеря где-то в лесах под Саратовом. В небе переливаются теплыми искорками звезды, поток персеидов проносится по полному поднебесью, обещая исполнение всех желаний, а слабо мерцающие спутники лениво плывут по орбите. За-

канчивается первая для меня смена в Летней компьютерной школе.

Следующие три года пролетят незаметно. Мне восемнадцать и саратовские леса давно уже сменились на костромские, но небо все так же завораживает. Где-то за спиной трещит последний в этой смене костер, пламя которого не только согревает, но и дарит тепло про запас – на случай длинной и холодной зимы. Множество всегда искренних друг с другом людей наслаждаются компанией, которую можно собрать только здесь, ясно понимая, что в этом тесном мире они еще не раз встретятся – рано или поздно, так или иначе.

Ни в одном другом месте нет такого светлого настроения. Может быть именно поэтому, вернувшись в цивилизацию (цивилизацию ли?) я неосознанно жду некоего порыва ветра, что сорвет с вечно суетливых и умеренно лживых людей вокруг меня маски, обнажая не то что кожу – мясо? Впрочем, эта хандра всегда лечится: самое главное – в первые недели не пересматривать фотографии и заниматься чем-нибудь поглощающим. А потом уже и до лета недалеко.

Всё перед вами, нужно только остановиться и увидеть. И если вам это удалось, то вы никогда не перестанете стремиться туда, к ясному небу и мерцающим звездам – в место, где можно сбросить с себя тесные оковы навязанных убеждений и стать частью этого восхитительного мира (или, скорее, не стать, а вернуться к ощущению сопричастности).

И я вернусь.

Город

Состав Новокузнецк-Москва в очередной раз пытается набрать скорость, но вновь останавливается на какой-то безымянной станции. Толпы людей бредут к палаткам с мороженым, скупают мягкие игрушки и фарфор, жалуются на жару и стараются оттянуть свои страдания, судорожно вдыхая насыщенный бензином воздух. Две женщины на нижних полках грустно обсуждают личную жизнь президента одной холодной страны, уставший ребенок слева пытается дочитать комикс, а за окном занимается рассвет – в таких поездах всегда будят за несколько часов до прибытия.

Утренняя Москва никогда не вызывает отвращения. Стоит только отойти в сторону от Казанского вокзала, оставив позади девушек, приехавших покорять столицу, как меня встречает сонный и нисколько не деловой город. Дорога до Лубянки занимает полчаса. По улицам лениво двигаются машины, мерцающие вывески «Шоколадниц» обещают редким прохожим вечную любовь, заботу и кофе на вынос, но отделяются свежавыжатым соком и подсушенным багетом с пармской ветчиной. Приемная комиссия самого либерального университета России окружена не столько школьниками, сколько их родителями. Из толпы раздаются несвязные крики про ЕГЭ, но внутри на удивление спокойно: вежливые студенты, зарабатывающие оценки за практику, выда-

ют расписки и ставят печати. Отдав оригиналы документов я бреду по уже проснувшемуся городу, морально готовясь провести здесь еще четыре года.

Чистые пруды не пощадило время. Темно-зеленая гладь манит спасительной прохладой, уподобляясь водам Ишмы, но воображение услужливо рисует скелеты несчастных, рискнувших подойти поближе, поэтому стойкие москвичи и гости столицы упрямо продолжают путь. Впрочем, друзья – это то, что помогает примириться с мрачной московской действительностью. Более того, из-за них хочется возвращаться в Нерезиновую снова и снова.

Листья с изрядно потрепанных разбушевавшейся стихией веток осыпаются вместе с последними надеждами на теплую осень. Безумно нетерпеливые дни сменяют друг друга, понедельник начинается не в субботу, а в четверг, воскресенье оборачивается горечью о бесцельно проведенных во сне часах, и беспощадная простуда радостно потирает руки.

Хочется сидеть в Старбаксе и пить тыквенный латте, которому удастся разбудить где-то глубоко в душе веру в сказку, но вместо этого приходится подниматься в шесть утра, механически варить кашу из каких-то невероятно полезных злаков, проверять почту и ехать на учебу, продираясь сквозь вязкий кисель московской биомассы. Впрочем, сырая

и почти зимняя тишина отчасти разгоняется теплым джазом в наушниках, а приближение вечера добавляет энергии.

Вход в Mendeleeev скрыт за бархатной занавеской обычной забегаловки. С одной стороны узкие столики и уставшие клерки, которые покупают лапшу по цене чашечки кофе, а с другой – низкие каменные своды, электронная музыка, подсветка цвета абсента и сама «Зеленая фея» в карте. За соседним столиком обсуждают влияние Ионеско на французскую литературу, а девушка у микрофона, конечно, не Билли Холидей, но тоже весьма убедительна.

Порой кажется, что эти реальности вокруг нас создают непростые люди с довольно туманными целями. В городе строят бизнес-центры, вокруг которых со временем разрастаются ярмарки фермерской еды и экологически чистых продуктов, самокаты вытесняют машины, вместо шаурмы начинают продавать шаверму, но со сменой картинки в калейдоскопе все снова становится на свои места. Спасает, пожалуй, только пожар сердца. И дело вовсе не в Маяковском.

Я иду с юго-запада на северо-восток от Тверской улицы к Большой Дмитровке. Здесь Москва реальная переплетается с Москвой литературной: отделение банка ВТБ в начале Камергерского переулка на глазах превращается в кабаре, какой-то театр снова становится домом, в котором до са-

мой смерти снимал комнату Живаго, а переводчика Фауста от обеда с автором «Тихого Дона» отделяет лестничный пролет и каких-то полвека.

Если пройти чуть дальше, то можно окончательно вырваться из суетливого потока иностранных туристов и оказаться в самом центре столицы: там, где мирно уживаются пивбар «Камчатка» и кафе «Vogue», старейший книжный магазин опирается на современные забегаловки, а у города не получается алчно пожирать мое время (что значит – и меня самого).

Кругом золотисто-алое сияние октября, ранние заморозки и листва, которая осыпается с сугубящихся деревьев как порванное в клочья письмо от кого-то, оставшегося далеко в прошлом. Воздух пахнет плохо освещенными тротуарами, мокрыми зонтами и зябко вздернутыми плечами, а от бьющего кинжалом под лопатки ветра болит не в костях, а где-то гораздо глубже. Может быть, в душе?

У прохожих вокруг понурые лица, глаза из одних белков и холодные руки, но это не мешает нам есть пончики в Krispy Kreme, цитировать Маяковского и просто радоваться неожиданно совпавшим окнам в расписании: жить, не думая о жизни.

«Октябрь – месяц грусти и простуд». Да, Иосиф Александрович, про простуды вы верно подметили, но вот в остальном мне пока что везет.



Медленно накрапывающий дождь не мешает мне стоять в десятом часу у подножия памятника Гоголю и слушать четвертую главу «Ревизора», хрипло вырывающуюся из небрежно накрытых брезентом динамиков. Часом раньше в Пушкинском музее играли Бриттена, а часом позже на Патриарших прудах будет радиоконцерт, вдохновленный «Мастером и Маргаритой». Согласитесь, есть что-то сюрреалистическое в возможность сидеть на лавочке у водной глади, смотреть на неторопливо плывущую пару лебедей и слышать голос Берлиоза...

Ранним субботним утро мое отражение насмешливо улыбается, наблюдая за отчаянными попытками выйти из квартиры вовремя. Вязкая атмосфера выходного спутывает волю, предлагая провести очередной день в компании социальных сетей, но мне все-таки удастся вырваться из-под опеки Оле Лукойе и выбежать на улицу.

Студенты Литературного института любят рассказывать о треугольнике, который образуют памятники Маяковского, Пушкина и Есенина – трех убитых поэтов. Из уст в уста передаются истории о печальных событиях, имевших место внутри этого мистического пространства. Меня, правда, это мало смущает: я слишком полюбил тесные дворики бывшего Черного переуллка, заполненные красочными граффити и уют-

ными кафе. Да, в самом деле, разве кто-то из нас боится темноты, когда еще светло?

В глубине Китай-города прячется Пропagанда — один из наиболее старых московских клубов. Днем здесь готовят замечательные сендвичи с хамоном, моцареллой и базиликом, а ночью играют техно. Впрочем, дело не в музыке: куда интереснее наблюдать за людьми, стараясь по каплям восстановить их прошлое и здесь же нарисовать их будущее. Кто-то разбивает себя на осколки, а кто-то достает калейдоскоп и делает из этих же стеклышек восхитительные картины. Так *nisi ego, tum quis?*

Когда на часах наступает любимое всеми англичанами время, я захожу в пекарню с библейским названием, но вместо пяти хлебов беру на вынос миндальный полумесяц, ставший символом Франции, и кофейный лимонад. Настроение призывает цитировать стихи Бонфуа и Ларбо, изредка прерываясь на размышления о последних прочитанных книгах одного немецкого философа. Увы, не сейчас: если долго всматриваться в Бездну, круассан может остыть.

Комфортно жить в этом городе просто. Достаточно лишь стричься в популярных местах и одеваться в непопулярных. Делать все, что выгодно выделит из общего социального фона, чтобы фон лег покорной массой у ног. А потом взять яр-

кий газовый фонарь, мерцающий теплым пламенем, и, вслед за Заратустрой, выбежать на тускло освещенные улицы.

Основная валюта любой социальной структуры – люди, ее наполняющие. Я скольжу из сети в сеть вслед за теми, с кем общаюсь, но многие упускают это из внимания. Похожая ситуация и с социальной лестницей. Казалось бы, здесь подразумевается жесткая иерархия: если ты гопник, смейся над гопниками, если хипстер – над хипстерами. Фокус в том, что ступень определяется именно тем, над чем ты смеешься. Подъем по лестнице – фальшивка и иллюзия, так что человек, смеющийся над элементами более высоких уровней, ни на йоту к ним не приближается – он лишь уподобляется крыловской москве, решившей стать слоном. С другой стороны, тот, кто обращает внимание на более низкие ступени, обязательно оступится. И это уже даже не намек.

До Рождества еще довольно далеко, но деревья на Никитском бульваре горят холодными огнями. Автобусы лениво пробираются среди рекламных плакатов, призывающих вкладывать свои деньги в недвижимость, магазины одежды обещают распродажи (рано или поздно, так или иначе). Затянувшаяся осень уверенно подходит к своему логическому завершению: кофейни вешают венки из искусственных еловых веток на двери, в парке Горького открывается «главный каток города» (еще красивее, еще дороже!), а люди начинают приглядываться к подарочным оберткам, предвкушая тазик оливье и подкрашенные напитки в бокалах.

Я разливаю красное, а ты смотришь на звезды. Они блещут, как глаза коровы, из мяса которой сейчас поджариваются стейки. За прозрачными стеклами бушует людской водоворот, невидимые фигуры в очередной раз разыгрывают любимый королевский гамбит с *en passant*, но об этом мало кто догадывается.

Вот он, тот момент, в котором хочется задержаться на бесконечное, неограниченное количество лет, раз за разом переворачивая песочные часы бытия.

Если вы контролируете значение слов, вы можете контролировать тех, кто вынужден ими пользоваться. Вкладывая в старые вокабулы новый смысл я жонглирую идеями, открывая перед взглядом случайного читателя заманчивую тень другого мира, позволяю разделить его со мной и задуматься о чем-нибудь новом. Войти сюда можно. Выйти, наверное, нельзя.

Третий в истории столицы «Ресторанный день» начинается тем поздним утром, когда школьники уже возвращаются домой после уроков математики и физкультуры, а приближающиеся зимние сумерки за окнами начинают шептать свои сказки. Двадцать пять раскиданных под открытым небом лавочек кормят гостей картофельным гратеном, расстегаями и, что неожиданно, медовухой, которая с детства ассоцииру-

ется у меня с историями Джоан Роулинг.

Сливочный лимонад в ресторане, название которого одновременно восходит и к индийским пастушкам, и к древнеегипетскому богу Солнца, потрясает воображение, а приготовленный на толстой глиняной сковороде цыпленок смягчает раздражение от клубов табачного дыма. В этом городе много курящих женщин и некрасивых мужчин, но конкретно здесь, в общем-то, все правильно: сигары курят седые старцы, небрежно стряхивая мерцающий пепел, а молодые девушки напротив молча пьют свой мартини.

В одном (и, наверное, самом достойном) рассказе Пелевина кто-то настойчиво утверждает, что мир перед вашими глазами – не более чем затянувшийся трюк. Продолжая эту мысль, можно заметить, что сотворивший его фокусник в растерянности и не знает, как вернуть все на свои места. Молодые боги с бессмертными душами походя создают и рушат царства (иногда – не только в своем воображении), рано или поздно выдыхаясь. Аполлон давно умер, но Гиацинт, которого он будто бы убил, жив и поныне. Нерон и Нарцисс всегда с нами. Смерть вкусили лишь гомеровские небожители.

Прошло два месяца осени и я уже не хожу в музеи – девушки лучше любых арт-объектов хотя бы потому что меняются каждую секунду. На полях моих блокнотов и ежедневников карандашные наброски перемежаются рассуждениями о том, что кулинария в некотором плане сродни любви.

Люди увлекаются ей, покупают книги с замысловатыми рецептами, практикуются, чтобы достичь успеха и приблизиться к некому абстрактному совершенству, а порой, особенно проголодавшись, устраивают в своем воображении шикарные пиры, но в конце дня с удовольствием соглашаются на обычную яичницу. А если к этому добавить еще и бекон, то начинают считать ужин совсем роскошным. Впрочем, выто, наверное, не такие, да?

Я выхожу из поезда, убеждаюсь, что столица за эти выходные все-таки не сгорела дотла (вопреки одной из песен группы Ленинград) и иду в сторону ближайшей кофейни. До паре еще больше часа, а это дает надежду на чашку обжигающего кофе и чью-нибудь бодрящую компанию. Люди вокруг явно нарушают мою зону комфорта, но мыслями я все еще в своем коротком путешествии домой и почти не обращаю внимание на подобные мелочи.

Мне приходится выныривать из снов подобно стремительно всплывающему аквалангисту, кислородный баллон которого пробили гарпуном начинающие китобои. Первые секунды кажется, что за окном конец августа и вся осень уместилась в двух часах предрассветного сна, но уведомления на сотовом телефоне разбивают все надежды на затянувшееся лето. Дома всегда уютно, но время ускоряется вместе

со мной, заставляя подняться, быстро перекусить и выйти на улицу.

Сквозь остатки ноябрьского снега проглядывает поистрескавшийся асфальт. Здесь почти никто и никуда не спешит, особенно в субботу. Впрочем, именно этого мне и не хватает в суетливых мегаполисах. Снаружи лицей несколько не изменился. Внутри, казалось бы, тоже, но с нашим выпуском это здание потеряло часть своего шарма. Я прохожу мимо кабинетов, которые существенно повлияли на меня в прошлом, приветствую знакомых, а потом вдыхаю морозный воздух, больше уместный в январе, и иду на восток.

В ожидании сеанса массажа приходится переодеться в халат, раскрашенный безумным художником в строгие цвета корейского флага. Играл мантры, где-то на периферии сознания классифицированные как «воскрешающие», но меня это пока мало смущает. Несколько минут спустя я пытаюсь сдержать смех, слушая от массажиста о Внутреннем взоре, но уже через пять хлопков одной ладонью уношусь в пустоту. Час спустя мой организм признает себя помолодевшим на пару месяцев, мышцы благодарно ноют, а все семь чакр восхваляют Будду.

Сегодня я впервые за последнее время ужинаю в ресторане один и утешаю себя тем, что переходя из реальности в реальность всегда приходится кардинально сдвигать точку сборки – достаточно вспомнить неразборчивые заметки

на путеводных листах Карлоса Кастанеды. Чем меньше город, тем медленнее идет в нем время, поэтому ижевский общепит за эти месяцы не изменился: творог в чизкейках по-прежнему выдают за сливочный сыр, стейки готовят из замороженной свинины, а кофе варят из робусты. Прибавьте к этому отсутствие собеседника и вы, наверное, поймете, что мне приходится испытывать. Впрочем, есть с книгой – это все-таки не значит есть в одиночестве.

Если множество раз написать алфавит на маленьких карточках из плотной бумаги, сложить их все на большую чугунную сковородку, а потом начать перемешивать, встряхивая посуду размеренными движениями кисти, то рано или поздно словесный узор сложится в очередную историю. Эти строчки пишутся точно так же, только вместо букв я беру готовые зарисовки из жизни очень и очень разных персонажей, а потом смешиваю их в красочный салат, стараясь подобрать идеальную вкусовую гамму.

Вы задумывались о том, что в долгосрочной перспективе лучше: быть ненавидимым за то, что ты – это ты, или быть любимым за то, кем ты не являешься? Именно размышления на эту тему не хватает огромному количеству замечательных, в сущности, людей, которые тратят свою молодость, стараясь угодить чужим представлениям о них самих. На са-

мом же деле, только те отношения, которые будут длиться долго, действуют на нас положительно, не превращая в тех, кем мы на самом деле не являемся.

Бизнес-центр недалеко от Арбата живет своей жизнью даже воскресным утром. В ресторанчике на первом этаже мужчины и женщины в строгих костюмах пьют кьянти, изредка прерываясь на обсуждение стратегий, процессов, риск-менеджмента и организационных изменений, но мы пришли сюда за бургерами из фермерской говядины и пончиками размером с два дайма Барбера в диаметре. Истории из жизни сменяются цитатами Ильенкова, а небольшой теологический спор сводится к замечательной мысли о человеческой хитрости: создается впечатление, что многим хочется поверить в существование души только из-за невысказанного обещания о наличии к ней ключа. Или возможности найти отмычку. Кто еще может похвастаться настолько увлекательным завтраком?

Главная причина, по которой люди читают эту заметку, сидят в социальных сетях или застревают в лифтах – скука. Они идут на сделку со временем, не зная, как еще его убить и на что потратить. Жизнь для них – пытка ожиданием. Минуты тянутся, как жевательная резинка в мечтах советского подростка, стрелка часов прилипает к пластиковой поверхности, а цифры на сотовом телефоне меняются в несколько раз медленней нормы. Проходят годы и потерянные мгновения обретают свою ценность. Впрочем, если есть деньги,

время можно купить. Равно как и независимость. Вы знали, что время и независимость – пожалуй, самые важные вещи, которые можно купить за деньги?

Эрих Фромм в своем труде «Бегство от свободы» писал про жизнь врача, который уверял всех вокруг, что безумно любит свою работу, довольно долго даже не подозревая, что эта любовь была лишь следствием тонкой манипуляции его отца, мягко навязавшего сыну прибыльную профессию доктора вместо сомнительного увлечения архитектурой. Прошло больше полувека, но в мире ничего не изменилось: люди по-прежнему считают, что хорошо подобранная бутоньерка – это единственная связь между искусством и природой, а среди любимого занятия и нелюбимого, как ни странно, выбирают то, которое приносит больше денег. *Sauve qui peut!*

Если избегать баров, в которых отпрыски богатых людей прочерчивают лунные и кокаиновые дорожки вместе с провинциальными менеджерами и дизайнерами интерфейсов, по возможности обходить за километр кинотеатры с кожаными креслами, официантами и хипстерами, то столица нашей необъятной страны оказывается весьма типичным городком, под завязку набитым серыми людьми, грязным снегом и печальными стариками. В окнах многоэтажек горят глаза Старшего брата, сквозь частые вкрапления оптоволокон-

на проносятся чьи-то секреты, а торговые центры в декабре ассоциируются только с концом света.

С далеких созвездий за нами наблюдают иные цивилизации и видят, как самые близкие и важные друг для друга люди сидят рядом и молча тратят столь ценное время на далеких (и, что уж там, не всегда важных) незнакомцев. Социальные сети оказываются для нас этакой демократией: та еще мерзость, но все остальное куда хуже. В такие моменты хочется сбежать в то далекое прошлое, когда не было ни того, ни другого, но люди вопреки всему умели неплохо развлекаться.

Никогда не дарите крашенных и искусственных цветов. Нет ничего более печального, чем цветок, плачущий к вечеру черными слезами. Вам же не приходит в голову вести девушку в ресторан, набитый сэмпурой вместо настоящих блюд? Так и здесь – цените те крупницы настоящего, которые еще у вас остались, время увлекательных химических экспериментов настанет, но не сегодня. Истинная красота открывается только в жертвах, но современный человек не хочет никаких жертв – отказывается есть мясо, украшает пластиковые елки и постепенно забывает о прошлом, закономерно теряя и ощущение своего человеческого предназначения.

На Малой Дмитровке уставшие от роскоши и лоска могут пробраться в ресторан с меню, напоминающим вавилонское столпотворение – в кучу смешались и пасты, и хот-доги, и стейки. Вокруг много и громко говорят, у выхода ви-

сят разноцветные зонтики, которые можно одолжить на случай дождя, а под ногами бегают маленький и ручной (если верить официантам) кабан Фани Алексеевич. Оливье в стеклянной баночке выдают за шедевр молекулярной кухни (под молчаливым укором Хестона Блюменталья), но в остальном все замечательно: и яркие деревянные бабочки на шеях хостес, и фанерные детали интерьера, и крупные хлопья мягкого снега за окном.

Поздним зимним вечером поразительно прекрасно перечитывать Пазоллини, который, в свою очередь, цитирует одного итальянца: «Женщина она как человек – всегда остается с победителем». В этой цитате сочетается и дискриминация женщины, и пренебрежение человеком, и страсть к битве. Вы, наверное, уже догадались, к чему я веду?

Зима в Москве переменчива словно девушка, выбирающая вечернее платье. Снег выпадает, чтобы впитать в себя следы, растечься зеркальными лужицами и застыть, превращаясь в хрупкие ловушки. Машины неторопливо ползут от светофора к светофору, путь к метро неожиданно превращается в пробку, а мы перебираемся из одной забегаловки в другую, насыщаемся кофеином вместо кодеина, столько популярного в этом городе, в то время как невысказанные слова рожают ассоциации, всплывающие со дна зрачков по-

добно пузырькам углекислого газа в приторном клубничном лимонаде. Любовь, как акт, уже давно не лишена глагола – и я спорю об этом вслух с немецкими иррационалистами прошлого, уповая на то, что в приличном обществе не мыслят абстрактно – это слишком просто, слишком неблагородно.

Как красоту тела может раскрыть только тело, так и образ человека может раскрыть только книга, которую он держит в руках. В моей памяти переплетаются цитаты из Катона, щедро приправленные отрывками романов Сорокина и разбавленные фельетонами Чехова, а список из следующих кандидатов льготно занимает треть ежедневника. Впрочем, все верят только тому, что уже знают – живут в собственных уютных мирках из стереотипов, занимаются вещами, которые не любят и так и остаются серой массой, расплзающейся по поверхности планеты. В прошлом веке дети мечтали покорить космос, а в нынешнем хотят обзавестись лысиной и креслом в совете директоров. Трансгуманизм никого не спасет – что ж, наверное, это и к лучшему.

Мне везет день за днем: люди вокруг успевают скрасить мою жизнь прекрасными в своей простоте вещами, помогая справиться с зимней меланхолией и не давая собирать мозаику событий в грустном одиночестве. Этой ночью мы поём Pink Floyd в караоке, едим страдающую гигантоманией пиццу и ежимся под холодным ветром около вывески одной кондитерской фабрики. Вокруг светятся огоньками яркие вы-

вески популярных баров, церквей и клубов, но радоваться миру можно и без двух главных европейских наркотиков: алкоголя и христианства.

Яркие костюмы на выставке в главном универсальном магазине страны вызывают сожаление по ушедшим в прошлое фланелевым тройкам, сердце находящегося на реконструкции Детского мира – красочная карусель – вырвано и водружено на брусчатку между Лобным местом и Мавзолеем, а в небольших деревянных домиках продают шапки-ушанки с кольцами олимпиады и связки мандаринов по цене медальонов из индейки. Туристы перемешиваются со случайными прохожими, моя спутница убегает в спекулятивный закат и мысли теснятся, как батальоны на поле битвы. Кстати, вы замечали, что любой напиток становится рождественским, если добавить в него корицу, скользящую по тонкой кромке керамического ножа?

Зарисовки на клочках бумаги становятся все короче и короче. Девушка, не называющая своего имени, стесняется или судьбы, или репутации (и, видимо, зря). Человек, поднявшийся на вершину, ужасно рискует – там холодно и пустынно, а усталость от дороги меняет сознание, так что он уже несколько не похож на того, кем начинал путь. Актеры оказываются созданиями другого мира, потому что нередко забывают снимать маски и с трудом остаются собой. Seriously, не будь у меня твиттера, я бы давно уже записался к психоаналитику.

Душа

В «Цветном» сотни людей. Многие с горящими глазами бегают в поисках дизайнерской одежды, степенно прогуливающиеся охранники бдительно следят за безопасностью, покоем и футбольным матчем «Спартак-Ростов», но мой путь лежит наверх – к фестивалю уличной еды, где бравые ребята с запоминающимся названием «АС/DC в Тбилиси» споро формируют бургеры из говядины, маринованной с хмели-сунели, красного базилика, обжаренного сулугуни и прочих прелестей грузинской кухни, абстрактно размышляя о способах нарезки бриоши.

К слову, несмотря на замечательную компанию, через полтора часа меня уже можно встретить в облюбованном Воландом районе. Я разбираюсь с собой и своим прошлым (оставаясь верным теориям того шведского драматурга), веду немые монологи (здесь в дело вступает один из теоретиков французского романтизма), а также стараюсь не заблудиться в узких переулках Патриаршей слободы, оставляя в морозном (почти ноябрьском!) воздухе облачка пара, по которым меня, наверное, сможет найти Гретель.

В стремительно темнеющем небе блестит ободок луны, проглядывающий сквозь тяжелые тучи. Страшно представить, какие сонмы совершенно разных людей сосуществуют в этом, казалось бы, не таком уж и большом городе, следуют

своими бесконечными тропинками и лишь иногда объединяются в любви (реже) или в грехах (чаще).

Когда-то в детстве я был уверен, что человек, смотрящий на ночной мегаполис сверху вниз и потягивающий коктейль, полностью доволен жизнью. Незаметно прошли годы, мы стоим на крыше White Rabbit, опустив взгляд на огоньки Тверской, рассыпавшиеся под ногами мириадами неоновых капель. Где-то за спиной барная стойка и мягкие кресла, в которых люди с дорогими запонками романтично распивают лонг-дринки, наслаждаясь атмосферой застывшего времени.

Я же, впрочем, чувствую только холод. Холод и желание спуститься куда-нибудь поближе к земле, в одно из тех кафе, где можно меньше думать о правилах Хартли, пить лимонад и лепить из пластилина.

Девушка в тонком пальто забегает в Старбакс, заказывает чай со льдом в прозрачном пластиковом стаканчике, вставляет его в другой – уже картонный – и убегает обратно в холодные городские джунгли, пока бариста недоуменно переглядываются. Выпавший за ночь снег пытается укрыть землю трехсантиметровым слоем, а дворники скрипят зубами от негодования. Пробка на Тверской напоминает тромб в теле задышающегося больного, заставляя вырываться на свобо-

ду облачка пара вместе с эмоциями недовольных водителей. Раннее утро в английском пабе недалеко от нулевого километра начинается в полдень – как только он открывается. Сонный бармен лениво протирает бокалы, видимо, обросшие за прошедшие с закрытия пять часов мхом – хотя бы в его воображении. Бодрая официантка убеждает немецкую пару за соседним столиком начать день с дегустации восемнадцати сортов британского пива, которое подают только здесь, а я цежу минеральную воду и ем густой фасолевый суп, с трудом вписываясь в окружающую обстановку.

Умберто Эко в раннем детстве делил людей на две категории: «господин» и «человек». Между ними была большая разница: у господина была шляпа и галстук, а у человека – кепка. Сейчас люди делят друг друга на «успешных» и «неуспешных», вручая первым телефоны с надкушенными яблоками и наушники с красными мягкими знаками, а вторых выгоняя на улицы. Москва режет человеческую уникальность, вынуждая тратить драгоценные крупницы времени на самолюбования. Те, кто хотят читать стихи, работать в небольших лавочках и возвращаться домой не позже шести, вместо этого днями и ночами сидят в узких пеналах многоэтажных башен ради возможности обедать в ресторанах и летать на Мальдивы.

Мы с ней взаимодействуем как колесики в часовом механизме, тикаем друг на друга и верим в расцветающее яркими красками будущее. В каком-нибудь другом мире, разместив-

шемся на противоположном лепестке метафизической ромашки, невыдуманная жизнь выдуманного человека умещается всего в нескольких фразах и способна утешить вас тем, что самый простой способ начать роман, который продлится вечно – это полюбить самого себя. К счастью, я не люблю давать абсурдные советы (за кадром подсказывают, что сильнее я не люблю только идиотов, медленный интернет и шпинат, но про это как-нибудь потом).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.